

— И сам ты не должен его обижать. Нельзя пользоваться тем, что ты сильнее и могущественнее маленького гэ, чтобы его обижать. Это слишком позорно.

— Отец, я не буду обижать Сун Яньси.

Нин Юань на мгновение запнулся, ему было неловко говорить о постельных делах. Он не находил для Юя наложников, чтобы обучить его этому, и Юй в первый раз, наверное, не знал меры.

— Ты внимательно изучи те книжки с картинками, которые дал тебе папа.

Привести человека в такое состояние, чтобы всё было в крови... да глаза у того почти распухли от плача.

— Раз уж женился и создал семью, пора бы и карьере подумать. Я нашёл тебе учителя. Ты не любишь заниматься боевыми искусствами и не хочешь идти в армию, тогда учись усердно. Даже если не будешь сдавать государственные экзамены, сможешь найти себе другую работу. Отец с папой не смогут защищать тебя всю жизнь.

Нин Юй послушно согласился.

Нин Юань внезапно почувствовал облегчение. Раньше этот маленький хулиган неизвестно как бы увиливал и прятался, пошёл бы к папе хныкать и лезть с просьбами. А уж женился, взял супруга — и повзрослел, видимо, понял, что пора брать на себя ответственность.

Нин Юй вернулся в гостиную, чтобы забрать Сун Яньси во их двор. Тот не хотел уходить, но папа Нин похлопал его по руке:

— Яньси, сегодня иди в покои отдохни, об остальных делах поговорим позже. Юй, не смей беспокоить Яньси, понял?

Нин Юй кивнул.

Нин Юй вёл Сун Яньси за руку всю дорогу до их покоев. Вокруг были слуги дома Нин, и Сун Яньси неловко было резко вырвать руку. Только войдя в комнату, он яростно отстранился.

Нин Юй посмотрел на лицо Сун Яньси и приказал Сяо Чжу принести холодное полотенце, чтобы приложить к глазам. Сяо Чжу принёс несколько бутылочек с лекарствами, Сун Яньси удивился и спросил:

— Что это?

— Это господин передал для Сяо Чжу, сказал, что для молодого господина.

Сун Яньси ненадолго приложил полотенце к глазам:

— Сяо Чжу, а где моё приданое?

— Оно лежит в маленькой кладовой, молодой господин хочет сейчас проверить? Список в шкафу.

— Я помню, там есть несколько лавок. В будущем пусть управляющий каждый месяц приносит мне отчётные книги напрямую.

В прошлой жизни Нин Юй в сговоре со своими наложниками интриговал против его приданого. С одной стороны, они презирали его, а с другой — жаждали его богатств. Просто бесстыдные люди.

К полудню глаза Сун Яньси почти сошли с опухоли. Он разобрал списки подарков и несколько лавок, как его увёл Нин Юй. Сун Яньси сердился, не понимая, какое безумие нашло на Нин Юя — тот всё время норовил оказаться рядом, вместо того чтобы пойти к Юань Чжичжи.

Сун Яньси с каменным лицом слушал, как Нин Юй даёт указания управляющему и нижестоящим слугам, что молодого господина нельзя слушаться и прочее в этом роде. Это создавало у него ложное впечатление, что Нин Юй оказывает ему поддержку.

Вернувшись в комнату, Сун Яньси обнаружил, что его вещи перетащили в другую комнату. Он проследовал за суесящимися слугами и только вошедши понял, что это кабинет. Нин Юй сидел на стуле и указывал, куда что ставить.

Сун Яньси глубоко вдохнул и сквозь зубы произнёс:

— Муж, что ты делаешь?

Нин Юй посмотрел на сверкающие от гнева глаза Сун Яньси и его надутые щёки, протянул руку и усадил его себе на колени, подбородок положил ему на шею и потерся щекой о гладкую нежную кожу:

— Я перенёс твои картины и каллиграфию в кабинет. Тот стол рядом — твой, если не нравится — сменим. Книжные полки тоже того стиля, который ты любишь, книги, которые ты привёз, уже расставлены. Когда будет время, я схожу с тобой в книжную лавку и купим ещё.

Сун Яньси сидел на коленях у Нин Юя, полностью находясь в его объятиях, руки тоже были зажаты Нин Юем, и он не мог пошевелиться. Сун Яньси вырывался и извивался некоторое время, но при снующих туда-сюда слугах не смел громко кричать.

Внезапно Сун Яньси застыл, лишь почувствовал, что под ним снизу что-то твёрдое упёрлось в него. Нин Юю же казалось, что движения Сун Яньси очень приятны.

— Сун Яньси, пошевелись ещё.

Сун Яньси подумал, что Нин Юй опять его терроризирует, он не может победить Нин Юя в драке, в душе его кипели злость и ненависть:

— Ты... ты мерзавец.

Увидев, что в голосе Сун Яньси слышались слёзы, Нин Юй замолчал на мгновение:

— Если не хочешь двигаться — не двигайся, только не плачь.

Кабинет скоро был убран. Нин Юй тер и поглаживал руку Сун Яньси. Хотя в теле чувствовалось какое-то непонятное неудобство, Нин Юй не обратил на это внимания:

— Что хочешь делать днём? Пойти покататься на лодке или верхом? Или хочешь погулять по улице?

Сун Яньси не мог вырваться от Нин Юя, поэтому махнул рукой и прислонился к груди Нин Юя, перестав тратить силы напрасно:

— Я никуда не хочу идти.

— Ну ладно, я пообещал отцу серьёзно заняться учёбой, днём пойду встречаться с учителем. Ты пока осмотришь дом, если что-то не по душе — прикажи управляющему переделать.

Сун Яньси тихо пробормотал:

— Только ты мне меньше всего по душе.

Учитель Лю был довольно известным учёным с высокими знаниями, и если бы не его дружба с Нин Юанем, он бы не согласился учить этого богатого бездельника. Придя, он уже подготовился к тому, что с ним будут трудно, но каково же было его удивление, когда этот знаменитый тиран оказался лишь угрюмым юношей с наивным лицом. Его чёрные глаза смотрели на учителя, он не отвлекался, не относился к делу небрежно, а очень серьёзно слушал речь.

Учитель Лю заинтересовался, разобрался с уровнем знаний Нин Юя и затем лишь горько усмехнулся. Хотя тот и не был таким заносчивым и сложным, как в легендах, но... он был слишком пустым. В голове ни одной мысли, вероятно, те иероглифы, что он знал, его заставили выучить в детстве. В четырёх книгах и пяти классиках, а также в стихах и песнях он ничего не смыслил.

После простого ознакомления учитель Лю решил начать учить его с самых основ — чтения и написания предложений, а также оставил задание по каллиграфии и только тогда ушёл.

Нин Юй занимался в кабинете чтением и письмом, а Сун Яньси сидел там же. Он хотел выйти, но у двери кабинета стояли слуги, и стоило ему отойти, Нин Юй клал дела в руки и следовал за ним. Сун Яньси не хотел оставлять за собой дурную славу человека, который мешает Нин Юю учиться и добиваться успехов, поэтому ютился в кабинете, занимаясь своими делами. Ему нужно было проверить счета дома Нин и ведомости, а также отчётные книги тех лавок — дел было много.

Нин Юй старательно выводил иероглифы по образцу, когда вдруг раздался смешок Сун Яньси. Сун Яньси стоял у стола, живой и красивый, смотрел на написанные им слова:

— Ты что, превратился в червяка, что ли ползаешь по бумаге?

Взгляд его полон пренебрежения и высокомерия. Он стоял на расстоянии вытянутой руки, и от этого Нин Юю щекотно на сердце.

Пальцы Нин Юя шевельнулись, он всё же не мог вынести того, что Сун Яньси находится в пределах досягаемости, но он не может до него дотронуться. Он опустил кисть, обнял Сун Яньси за талию и прижался губами к его губам, а затем... и затем не знал, что делать дальше.

Сун Яньси приоткрыл рот, что-то говоря, и губы Нин Юя проскользнули внутрь. Внезапно всё его тело дрогнуло. Возможно, это был инстинкт, Нин Юй сам всему научился, ему хотелось быть ближе, плотнее прижаться, язык проник внутрь, раздалась звуки поцелуев.

Когда дыхание стало перебиваться, Нин Юй неохотно отпустил губы Сун Яньси, между ними тянулась серебряная нить. Нин Юй протянул руку и вытер Сун Яньси насухо. Взгляд Сун Яньси был затуманен, тело было мягким, он держался только благодаря поддержке Нин Юя и еле стоял, совершенно не понимая, что произошло.

Нин Юй посмотрел на алые губы Сун Яньси, не смог удержаться и снова наклонился, дважды чокнув их:

— Сун Яньси, ты что, тайком ел мёд?

Сун Яньси очнулся, Нин Юй был так близко, даже шея у него покраснела. Он резко с силой оттолкнул Нин Юя, сам оперся на стол, перебежал на противоположную сторону, отделившись от Нин Юя столом, и дрожащим голосом сказал:

— Ты... ты не подходи.

В этот момент Сун Яньси был похож на взъерошенного котёнка, который забился на верх полки и настороженно следил за чужаком.

Нин Юй облизнул губы, решил не давить на него и не раздражать Сун Яньси, вернулся на своё место и продолжил писать каллиграфию.

Бедный Сун Яньси, хоть у него и была память прошлой жизни, но «Нин Юй» никогда не касался его, и он не сближался с другими мужчинами. В итоге теперь, когда Нин Юй подходил к нему, он терял голову и совершенно не мог успокоиться.

Сун Яньси взял книгу, сел на своё место, но слова в книгу не шли, то он отвлекался, то не мог удержаться, чтобы не бросить взгляд на Нин Юя. В душе он ругал себя за бесхарактерность, за то, что не видал света, — тот, кто делал с ним такие вещи, казался совершенно не затронутым и серьёзно писал иероглифы. Только он один был не в духе и думал о бог знает чём. Ааа! Схожу с ума..

Мёртвый Нин Юй, вонючий Нин Юй. Просто большой мерзавец!

Нин Юй не знал о душевных метаниях Сун Яньси, но если он ставил перед собой цель, то умение сосредотачиваться на деле было одним из его немногих достоинств. Закончив с заданием, оставленным учителем, он начал заучивать «Тысячеловие».

Сун Яньси фыркнул в душе: даже дети умеют читать это, а Нин Юй в таком возрасте и не знает, совсем устроить сцену.

Сун Яньси очень хотел ударить себя книгой по голове, почему он постоянно думает об этом противном человеке.

Примечания автора отсутствуют.

<http://bllate.org/book/16680/1530430>